

Наш сегодняшний гость - создатель знаменитых передач, один из самых популярных ведущих российского телевидения. Его знают все, потому что "Времечко" и "Сегоднячко" - это народные программы, прямой эфир, в которых участвует много людей. ЛЕВ НОВОЖЕНОВ известен и в газетном мире - работал в "Московском комсомольце", публиковался в центральных изданиях как писатель-сатирик. Последняя его книга как раз о "Времечке" и о себе. И к нам в редакцию он пришел с рассказом о популярной передаче и ее проблемах.

- И все-таки, Лев, что же с вами произошло три недели назад? Газеты и ТВ сообщили о нападении на вас. Как вы себя чувствуете?

- Спасибо, ничего. Помощь, то бишь "скорая помощь", пришла вовремя. Тем более случилось все возле самого Склифа. А вот почему случилось - и впрямь загадка. До сих пор.

Я сейчас не понимаю покушавшегося на меня. Может, он был обкуранный, но точно помню - на пьяного не похож. Загадочная, странная история, и все действующие лица странные. Девочки, ветераны спецназа, милиционеры. В полвторого ночи мне понадобилось купить цветы на довольно оживленном пятачке на Сухарева, прямо у выхода из метро. Достал бумажник, чтобы расплатиться, и вдруг - прямо фантазматическая какая-то - некто, возникнув словно из-под земли, подносит к портмоне зажигалку. Провокационный, нелепый жест. Я говорю: "Зачем вы это делаете?" Он отвечает: "А ты не понимаешь?" И молниеносно наносит удар. Потом мне специалисты объяснили, что это был так называемый "подгримировывающий" удар, от термина "грим", удар в четверть силы, чтобы испортить лицо. Хотя на самом деле удар такой силы рассчитан на поражение, ибо сносит бровь. Это был удар профессионала.

- Так кем же оказался нападавший на вас человек?

- Уже потом я узнал, что он служил в элитном подразделении "Русь" при МВД в звании старшего лейтенанта. Он только что получил медаль "За отвагу" и несколько дней отмечал это событие. Хотя, повторю, на пьяного он похож не был. Я подвернулся под горячую руку. Правда, есть и такая версия, что этот лейтенант охранял девочку, пасущихся на площади, и его якобы взбелевало, что они подошли ко мне за автографом. От девочки мне ничего не надо было, подошли и подошли, а он сорвался. Почему? Непонятно. Пользуясь предоставившейся возможностью, я узнал о спецподразделении "Русь" много любопытного. Эти люди-компьютеры, они запрограммированы, как зомби. Их научили работать в условиях войны, когда необходимо быстро расколоть человека, пользуясь десятками степенями допроса. Можно вывести человека из строя, сделать его инвалидом, можно сразу убить, можно сделать так, чтобы он несколько часов помучился. Полное меню костоломства, которого не ведали, наверное, и в средние века. Ты думаешь, что происшедшее с тобой - случайность, а нет, в психологии подобных типов уже под коркой заложена агрессия, мгновенная и необоснованная. Многие из них воевали в Чечне, были в других "горячих" точках.

Сейчас в поведении людей происходят странные пертурбации. При чем специалисты считают, что во многом их неадекватное поведение инспирировано телевидением, радио. События в Югославии тоже из этой оперы - бомбежки, антиамериканские настроения, патристическая история, добровольцы, готовые на смерть. В мире меняются глобальная политика и сами подходы к "оккупации" человеческой души.

- Почему, ударив, ваш обидчик не убежал?

- В этом тоже странность. Он же спецназовец, и я его не задерживал. Я сам хотел от него убежать. Зачем одна из девиц ринулась к моей машине и сделала попытку открыть дверь - то ли и впрямь хотела автограф, то ли спасалась от своего "защитника"? Еще этот верзил для чего-то хотел снести мою дверь, но я нажал на газ и он промахнулся. И тут быстро объявились муниципалы, и мой герой прямо-таки застыл перед ними. Не забуду, как один из милиционеров в такой ситуации вдруг начал цитировать Пушкина. Так что в этой истории много всякой чертовщины...

ЗА ЧТО Ж ВЫ ЛЕВУ НОВОЖЕНОВА...

Фото Анатолия Белясова ("Экспресс газета")

- Чем же закончится эта история для драчуна-спецназовца? Какова его судьба? Где он сейчас?

- Меня позвали в 68-е отделение милиции, где я написал заявление. И дело закрутилось. Оно еще не завершено, впереди суд. Меня упрасили остановить процесс, забрать заявление обратно. Но это уже невозможно, ибо тогда я вынужден буду заявить, что ничего со мной, господа хорошие, не случилось. Так себе, выдумка, бред полновесный. Судить его будет военный суд, но по гражданской статье, потому что инцидент произошел не на территории войскового подразделения. Ему грозит 23-я статья, до пяти лет, но без нижнего предела. Могут дать и условный срок.

- Он просил у вас прощения?

- Просил, но я ему ответил, что лично против него, как ни странно, у меня ничего нет. Я не моралист, но потом уже, обдумав, я многое скорректировал, смягчил: ночь, напившийся или одурманенный персонаж, без документов, знающий меня в лицо. А может, он чего-то перепутал? А если бы я как журналист решил поставить на себе эксперимент? Тогда что? Да ничего... Звонил мне с извинениями и Сергей Степашин. Вот такая история.

- За годы вашей работы во "Времечке" - "Сегоднячке" были ли подобные случаи, когда приходилось разбираться в суде?

- Это второй мой суд за семь лет. Первый был, когда я работал в "Московском комсомольце". Члены пресловутого общества "Память", ворвавшись к нам в редакцию, учинили дебош. Суд длился целый месяц, и мы ходили на заседания вместо работы, хотя газета должна была выходить каждый день. Об этом тогда много говорили, писали.

- Не кажется ли вам, что символами нынешней нашей жизни становятся кулак, пуля, убийство? Есть же пределы ломки человеческой психики. На телеэкране - кровь и смерть. Каждый день и каждый час.

- Американские психологи давно задумались над этими проблемами. В фильме "Апокалипсис" военные выходят из повиновения и начинают жить сами по себе. Они становятся неуправляемыми, потому что преступили библейскую заповедь "не убий", стали как бы не от мира сего. Они уже не принадлежат обществу, потому что убийство есть убийство, даже если ты совершаешь его с позволения своего правительства. На твою землю пришли оккупанты (как сейчас в Югославии), и ты защищаешь свою землю, свою мать, свою бабушку, которая почти сто лет прожила на этой земле. Как тут быть? Убивать или не убивать? Конечно, телевидение раскрепощает, развращает. Но, честно говоря, я не думаю, что вся Чечня с утра до вечера не отходит от экрана. А что там творится? Человеческая жизнь малого стоит.

- И тем не менее на нас обрушилась лавина информации. Человеческая психика не в силах с ней справиться. Как же быть?

- Да, именно лавина. На осмысление информации у нас нет времени. Я не политик, но меня волнует, почему нас, русских, не любят те, кого мы "приручили"? Естественно, силой. Двумя словами не ответишь. Можно, конечно, говорить о русификации, о насаждении русского языка, о бремени "старшего брата". Можно кивать на украинцев, татар, чеченцев. Но оправдываться не хочется. Русские - великий народ, спасший Европу от

фашистской чумы. Нам ли казнить себя?

А может быть, в силу всех подобных размышлений у спецназовца "Руси" и поехала крыша? Ведь он сам топтал чеченскую землю и стрелял в безоружных (или, наоборот, до зубов вооруженных) людей.

- "Сегоднячко" - это в основном командная работа. Крыловские Ле-

бы апокалиптически. К примеру, один из последних материалов о вampire, сидящем в "Матросской тишине", мы пробивали целый месяц в ГУИНе, - в управлении тюрем. В сюжете есть все, чтобы, как нам казалось, народ ужаснулся, увидев это страшилище - за ним семь трупов, убивал потому, что пьянел от запаха крови. Страшно, мерзко, неосмысливаемо. Но смотрел я на отснятое и думал, а почему мы должны эту мерзость показывать? Почему хотя бы по формальным признакам это надо показывать сегодня, сейчас, когда на наших глазах и отрезанные головы в Чечне, и варварские самолетные рейды в Югославии? Начинаешь думать: почему все-таки люди убивают друг друга, что в конце концов с нами происходит? А мальчик-то - вампирчик молоденький весь, юный офицер химзащиты, ну не дочитал двадцати умных книжек, не успел - и что же теперь делать? Ломаешь голову, слышишь, как щелкают мозги.

- Газетчик, шлифующий слово, и телевизионщик, который всегда должен передать нерв события, вроде бы люди одной профессии. И все же, все же, все же...

- Да, отличия есть. Телевизионщик - это как бы приборчик, который все время озвучивает происходящее. Озвучивает молниеносно, по-своему. Мне, например, страшно импонирует Павел Лобков. Нынче он на процессе Моники Левински в Вашингтоне, завтра передает репортаж из Югославии, потом показывает место убийства Галины Старовойтовой или то, что творится сейчас в Госдуме. И на все у него свой взгляд. Куда его ни пошли, он повсюду будет "напористо-думающе-лобковским". Он понимает, чего хочет.

- Вернемся к Новозженову. Скажите, почему нередко зрителям кажутся недобрими ваши ответы на их вопросы-запросы. К примеру, резануло ваше общение с ветеранами, позвонившими из провинции. Они явно остались неудовлетворенными.

- Возможно, вы и правы. Но дело в том, что наша передача выполняет еще одну довольно странную общественную функцию - она учит людей общаться и друг с другом, и с нами. Это неумение присутствует, к сожалению, и с той и с другой стороны. А как надо общаться с человеком, который обращается к тебе за помощью или просто хулиганит, забавляется? Как менеджер в хорошем обувном магазине - фальшивые улыбки, впаривание товара. Мы ему нужны только как случайные покупатели. Как говорится, с глаз долой, из сердца вон. Или все-таки ему надо успеть сказать что-то самое главное, спасительное? Но многие не понимают, что такое реальное эфирное время, начинают тянуть, обижаться - почему им не дают поговорить, покрасоваться: я же позвонил со своей бедой, так послушайте меня. А у нас хронометраж, минута в минуту, секунда в секунду. Вот и выглядят наши действия грубовато, резковато. Даже влюбленный и тот не может в решающие минуты найти два-три самых главных слова. А тут боль, проблемы, требование помочь, спасти... И потом, по-моему, лучше плохой живой, чем хороший мертвый. Это я к тому, что резкости, колкости, наезды должны быть и в эфире. Аналитики подсчитали, что эпатаж отвергает трое из десяти, остальные - "за". Их привлекают "плохие" живые.

- У нас сегодня дефицит общения. Понятно стремление людей куда-то позвонить, к кому-то обратиться за помощью, поделиться бедой. Но, наверное, хватает и дурацких вопросов, продиктованных желанием просто покуражиться?

- Мы сразу различаем, когда нам звонят с настоящей зубной болью и когда после опохмелки с какой-нибудь глупостью, несуразицей. Простят вмешательство в их трудностях, но мы же не горком партии, да и горкомов у нас нынче нет. Многие проблемы люди могут решить сами, могут, да лень. Вот и накручивают телефонный диск. В таких случаях нам нужны такие журналисты-ведущие, как Воеводина. Прямой, непричесанный. Убрать Воевину из эфира - и пойдет грудой писем, зачем вы его уволили, он нам нужен. Зрителя не обманешь, он многое понимает на уровне подсознания и, к нашей радости, больше, чем мы.

Ф. М.

М. Дометов

17.04.99